

Краткое содержание:

У А-Юаня очень интересный взгляд на происходящее. Давайте на минутку оценим его.

А-Юань вздохнул, изо всех сил стараясь не поцарапать зудящую ткань своей новой модной одежды — он обещал дедушке, что будет хорошим, потому что сегодня был особенный день для папы Ина и папы Чжэня.

Хотя дедушка сделал всё возможное, чтобы объяснить, почему он должен носить колючую одежду, сидеть правильно и не чесать нос, А-Юань всё ещё не понимал этого. Конечно, его отец и папа не нуждались в какой-то особенной вечеринке или чём-то ещё, чтобы показать, что они вместе. Они жили в одном доме, спали в одной комнате, вместе играли с ним и вместе практиковались в фехтовании. Именно это и делали люди, которые были вместе.

Но дедушка сказал, что праздник (церемония, как со вздохом поправлял его дедушка Жэнь; А-Юань пока не мог произнести это слово правильно) был действительно важен, и он должен был пройти хорошо. И даже если он выглядел скучным или странным, А-Юань не мог кричать или ныть — он хотел, чтобы его папа Сянь и папа Чжань были счастливы, верно?

И А-Юань готов был сделать всё, что угодно, чтобы его папа и отец были счастливы — они так долго были грустными, и он не хотел, чтобы они когда-либо снова так сильно грустили. Так что он искренне пообещал дедушке Жэню, что будет вести себя хорошо.

А-Юань оглядел поляну — он всю прошлую неделю наблюдал, как готовили место проведения церемонии, и все эти чудесные золотые и красные украшения заставляли его руки дёргаться — он хотел прикоснуться, но несколько старших учеников сказали ему, что он не должен этого делать. Что он не может играть с украшениями, потому что они очень важны. Теперь он был рад, что не играл с ними — всё выглядело так красиво и грандиозно. И все это было ради его папы и отца!

А-Юань нахмурил брови — он не видел папу Ина и папу Чжэня со вчерашнего утра, и он всё ещё не мог видеть их сейчас. Они тоже занимались чем-то важным? А-Юань хотел спросить об этом дедушку Жэня, но он пообещал, что будет вести себя хорошо, а это означало, что он не мог говорить во время праздника (церемонии). Так что он снова завертел головой, вглядываясь в лица разодетых гостей — может быть, он пропустил их, ведь поляна была так прекрасна, что украшения постоянно отвлекали его от людей.

Большинство людей он не знал. Встречались знакомые дяди и тётки, которых он видел в цитадели, но он не помнил их имен, а учитель Ли занимал место в конце поляны с некоторыми другими учителями. Затем появились действительно новые люди — незнакомцы, которых он определённо никогда раньше не видел, но их в Облачные Глубины за последние несколько дней прибыло немного. А-Юань пересчитал их несколько раз, и все они были здесь. Ровно двенадцать новых лиц.

Ближе к краю поляны, на возвышении, похожем на то, на котором сидел А-Юань, находились старенькие бабушки и дедушки. Обычно они были злы или расстроены, и им не очень нравился папа Ин. Но поскольку они почти никогда не разговаривали с папой Ином, а дедушка Жэнь следил за тем, чтобы они были с ним обходительны, А-Юань всегда отвечал им вежливо. Может быть, они будут лучше вести себя после праздника (церемонии!)?

Он посмотрел рядом с собой — дедушка Жэнь устроился на красивой подушке слева от него, а дядя Си — слева от дедушки Жэня. А-Юань знал, что они были в особом месте, и в основном помнил, что должен сделать. Но пока не прибыли папа Ин и папа Чжань, ему приходилось ждать, поэтому он вновь оглядел толпу людей.

Наконец, он увидел знакомые лица и усмехнулся — тётя Цин! Дядя Сан! Дядя Нин! А там, на возвышении по другую сторону поляны, сидели тётя Яньли и дядя Чэн! Он уже собирался помахать им, но почувствовал на себе строгий взгляд дедушки Жэня и удержал руку на коленях. Но он всё равно дрожал от волнения. Его папа Ин и папа Чжань должны быть счастливы! И, может быть, теперь дядя Си перестанет быть таким грустным. Ему было грустно с тех пор, как они покинули Цинхэ, и А-Юань не мог понять, почему. Но теперь его друзья были здесь, так что он был уверен, что дядя Си будет счастливее!

Простая мелодия флейты нарушила тишину, и А-Юань посмотрел в сторону входа на поляну, широко раскрыв глаза и едва не подпрыгивая на месте; он знал эту песню! Папа Чжань часто играл её папе Ину, чтобы тот улыбался! Хотя он никогда не слышал, как папа Ин играет эту песню, но он знал флейту своего папы Ина, потому что она звучала не так, как любая другая флейта (папа Чжань называл её дизи, и ему стало интересно, было ли это какое-то особое имя).

Папа Ин стоял в центре прохода, одетый в красивую красную с золотым мантию. А-Юань видел, как дедушка Жэнь придумывал и заказывал её, пока он сам повторял написание иероглифов. Он решил, что цвета сделали его папу Ина похожим на волшебного духа, нереального, но прекрасного. Как в одной из тех сказок, с которыми он практиковался в чтении, — подумал он, когда папа Ин открыл глаза и посмотрел на незнакомцев, друзей и семью, — когда боги или волшебные духи приходят поиграть с людьми и дарят им подарки в обмен на знаки благосклонности и поклонения.

Так вот для чего был устроен этот праздник (церемония)? А-Юань сморщил нос — папа Ин не был каким-то волшебным духом, даже если сейчас он выглядел так во всей своей красивой одежде. И дедушка Жэнь сказал, что праздник (церемония) был посвящён тому, чтобы связать папу Ина и папу Чжана вместе навсегда. А-Юань протестовал — они уже навсегда вместе, разве люди не видят этого? Это было так ярко! — но дедушка Жэнь сказал ему, что иногда людям нужны церемонии для таких событий.

Пока А-Юань был отвлечён своими мыслями, он пропустил конец песни (он надулся и решил, что попросит папу Ина снова сыграть её для него после вечеринки), и теперь папа Чжань стоял рядом с папой Ином в проходе.

На папе Чжане тоже была красивая одежда — красная и золотая, как у папы Ина, но он видел разницу. У папы Ина на мантии были те прекрасные цветы, что росли в прудах, вышитые

золотом на ткани, а у папы Чжаня — облака, которые он видел во всех комнатах дедушки Жэня и в классе.

Он задавался вопросом, почему у папы Ина был другой рисунок, но, возможно, папа Ин просто любил цветы больше, чем облака. В конце концов, это вечеринка папы Ина и папы Чжаня, они должны носить то, что хотят, так и должно быть! А-Юань ненадолго задумался, почему ему тоже приходится носить колючую одежду, но это был важный день, и все остальные выглядели нарядно и красиво в своей одежде — он предположил, что в обычной одежде он выглядел бы неуместно.

А-Юань смотрел, как папа Чжань баюкает щёку папы Ина, его глаза были мягкими и счастливыми, а рот слегка улыбался, и А-Юань знал, что его папа Чжань может даже заплакать, потому что он был счастлив. Ему нравилось смотреть, как его отец и папа светятся от счастья рядом друг с другом, и когда его папа Ин потянулся, чтобы вытереть слезу со щеки его папы Чжаня, тот светло улыбнулся.

По центральной дорожке они подошли к возвышению, на котором сидели А-Юань с дедушкой Жэнем и дядей Си, и всё ещё злые бабушки и дедушки (А-Юань подчеркнуто их игнорировал). Дядя Чэн и тётя Яньли встали с другой стороны, и А-Юань задавался вопросом, что это значит, что они все были здесь. Это должно было что-то значить — он быстро понял, что в Облачных Глубинах всё что-то значит. Он спросит об этом дедушку Жэня, когда они закончат тихую часть праздника (церемонии).

Когда папа Ин и папа Чжань достигли основания возвышения, дедушка Жэнь встал — А-Юань моргнул. Он не знал, что им можно вставать. Но прежде чем он успел последовать примеру дедушки, дядя Си поднял бровь и слегка покачал головой — А-Юань вздохнул.

— Видимо, вставать должны только особые люди, — проворчал он.

Дедушка Жэнь бубнил какое-то время — А-Юань не мог сосредоточиться на том, что он говорит, потому что он не понимал большинство слов, а у дедушки Жэня было то «лекторское лицо», с которым он пытался научить А-Юаня чему-то, чего тот не понимал. И чаще всего потом ему приходилось просить папу Ина объяснить непонятое, потому что дедушка Жэнь использовал слишком много громких слов.

А-Юань сделал вид, что слушает, а вместо этого наблюдал за лицами папы Ина и папы Чжаня.

Папа Ин почти всегда улыбался, но сейчас у него было очень серьёзное и терпеливое выражение лица, и он внимательно слушал дедушку Жэня. А-Юань нахмурился — так ли уж важно то, что сказал дедушка Жэнь? Наверное так и должно было быть, если даже папа Ин выглядел серьёзным. А-Юань постарался внимательнее отнестись к словам.

— ...ваши обязанности друг перед другом как партнёров по совершенствованию простираются за пределы физической сферы и распространяются на духовную. Вы должны уважать и поощрять рост Вашего партнёра во всех случаях и стремиться к гармонии...

А-Юань тихо фыркнул — он не знал, что означают многие из этих слов, так что, возможно, он просто ещё не выучил их. Позже он попросит папу Ина и папу Чжана объяснить, что всё это значит.

Глаза папы Чжана были мягкими и улыбающимися, и он выглядел менее серьёзным, чем папа Ин, что удивило А-Юаня; папа Чжань всегда был более серьёзным, но сегодня, возможно, он уже знал все те слова, что говорил дедушка Жэнь, поэтому мог больше улыбаться, и ему не нужно было уделять им столько внимания.

Пока А-Юань обдумывал странность речи дедушки Жэня, он пропустил какой-то сигнал — папа Ин и папа Чжань внезапно начали кланяться в разные стороны. Он как-то слышал кое-что из этого от бабушки, когда дяди и тётки в деревне устраивали подобную вечеринку раньше. Он не помнил подробностей, но знал, что поклоны действительно важны, и он чувствовал, как его сердце колотится в горле, а не там, где оно должно быть — ему очень хотелось похлопать в ладоши или что-то в этом роде, но он должен был быть хорошим.

Когда они, наконец, поклонились друг другу, дедушка Жэнь серьёзно кивнул им, а затем посмотрел на А-Юаня.

— Встань, Лань Юань, и присоединись к своим родителям. Узы, которые вы обрели сегодня, не только ради друг друга, но и ради ребёнка, которого вы приняли — ваши желания были учтены.

А-Юань живо вспомнил эту часть, о которой ему рассказывали, и он, хихикнув, поднялся на ноги — его зудящую одежду пришлось расправить, чтобы он мог идти, но он подошёл к своим папе Ину и папе Чжаню, а затем повернулся лицом к дедушке Жэню и сосредоточенно нахмурился. Он должен был правильно произнести слова, не зря же он практиковался с дедушкой Жэнем в течение нескольких дней.

— Великий учитель Лань Цижэнь, я, Лань Юань, прошу соблюдения семейных уз.

Вот он всё и сказал, и запнулся всего один раз!

Дедушка Жэнь коротко улыбнулся ему, затем кивнул и снова стал торжественным:

— Я дарю тебе лобную ленту, Лань Юань. Поступай с ней, как считаешь нужным.

А-Юань задавался вопросом, почему были использованы эти слова, ведь что ещё он мог с ней сделать, но сейчас он не спрашивал. Вместо этого он взял ленту у дедушки Жэня и повернулся к папе Ину и папе Чжаню.

Они посмотрели на него с удивлением и удовольствием, а он ухмыльнулся — он умел хранить секреты, и он хотел, чтобы это было секретом, потому что сюрпризы — это действительно

здорово.

— Что нам делать, А-Юань? — мягко спросил папа Ин.

А-Юань надулся от гордости — он должен чему-то научить папу Ина!

— Мне нужны ваши левые руки и моя левая рука. Потому что мы должны связать их всех вместе, а потом я сделаю что-то особенное! — А-Юань не совсем понимал, как объяснить, что он должен был сделать, но он знал, как это сделать, так что вместо этого он просто сделал это сюрпризом.

Папа Ин и папа Чжань сцепили свои левые руки с рукой А-Юаня, и он начал обматывать лобную ленту вокруг их запястий, а затем соединил концы простым узлом — он не очень хорошо умел завязывать узлы одной рукой.

Затем он закрыл глаза и, прокручивая наставления дедушки Жэня в своей голове, позволил странной, покалывающей энергии, рассказывавшей ему о чувствах людей, стечь по его руке и сквозь лобную ленту, пока энергия не потекла по всей ленте и не вернулась обратно к нему.

Он открыл глаза и ухмыльнулся, глядя на светящуюся ленту — он всё сделал правильно! И хотя А-Юань не чувствовал особых изменений, он остановил энергию и развязал ленту, развязал их руки, прежде чем обвязать ленту вокруг своего запястья.

Что ж, он пытался, но всё ещё не умел хорошо вязать узлы. Папа Чжань, улыбаясь своей счастливой улыбкой, теперь ещё шире, помог ему правильно завязать ленту, а потом положил руку на щеку А-Юаня.

В этом прикосновении он мог ощутить безмерное счастье своего папы Чжаня и снова прижался лицом к большой ладони.

Затем А-Юань отступил назад, чувствуя себя немного грустным, потому что не мог прямо сейчас заключить своих папу и отца в объятия, но более счастливый, потому что он был частью важного праздника (церемонии). Он вернулся на подушку, на которую его усадили в самом начале.

И хотя следующая часть вечеринки тоже была очень важной, всё, о чём А-Юань мог думать, это лобная лента на его запястье и то, какими счастливыми и ошеломлёнными чувствовали себя папа Чжань и папа Ин. Он немного поиграл с лентой — не развязывая её, потому что никогда не хотел этого делать, но он мог играть с концами.

Когда ему поднесли маленькую чашку с чем-то коричневым, ему понадобилось время, чтобы сосредоточиться — о, точно, дедушка Жэнь сказал, что ему придётся пить чай на празднике (церемонии). Он не особо любил чай, но дедушка Жэнь позволил ему попробовать его раньше,

и это было не так уж и плохо.

А-Юань взял чашку обеими руками, и только тогда понял, что чашку подал ему папа Ин. Он усмехнулся и сделал глоток — это был тот самый чай, который дедушка Жэнь позволил ему попробовать, и он подумал, что даже если чай не очень вкусный, он всё равно может пить его, ведь дедушка Жэнь сказал ему, что он должен. Затем он передал чашку обратно папе Ину, улыбаясь и слегка подёргивая плечами — по крайней мере, он не махал руками, потому что дедушка Жэнь предупреждал, что он не может махать руками на празднике (церемонии) — голос дедушки Жэня звучал очень усталым сейчас.

Но А-Юань знал, что чай означал, что всё почти закончилось, и теперь они смогут вкусно поесть, и, может быть, кто-нибудь сыграет музыку, и он сможет попросить папу Ина снова сыграть эту песню.

Наконец дедушка Жэнь громко хлопнул в ладоши и объявил:

— Церемония завершена. Пусть все благословения, которые вы получили, останутся с вами в будущем!

Время еды!

<http://bllate.org/book/13203/1177383>